

РОМАН, ПРОБУЖДАЮЩИЙ СЕРДЦЕ

ПРАВА НА ПЕРЕВОД РОМАНА ПРОДАНЫ В 14 СТРАН МИРА

КОГДА Я УИДУ

ЭМИЛИ БЛИКЕР

Роман, пробуждающий сердца

Эмили Бликер

Когда я уйду

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

Бликер Э.

Когда я уйду / Э. Бликер — «Эксмо», 2016 — (Роман, пробуждающий сердца)

ISBN 978-5-04-088872-6

Это была семья, которую все вокруг считали идеальной. Обожающие друг друга Люк и Натали, трое очаровательных детей... Но тяжелейшая болезнь оборвала жизнь Натали, оставив Люка один на один с жутким горем. А на следующий после похорон день он получил по почте письмо от жены. В конверт был вложен листок, вырванный из дневника, который она вела при жизни. С тех пор пришло много таких листков – веселых, грустных, а иногда загадочных, намекающих на некую тайну. И все это время Люк искал ответы на два вопроса: кто посылает ему эти письма и, самое главное, зачем?..

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-088872-6

© Бликер Э., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Январь	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Февраль	24
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Эмили Бликер Когда я уйду

Emily Bleeker
When I'm Gone

© 2016 Emily Bleeker

© Перевод на русский язык. Г. Бабурова, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*Посвящается моим детям, которые верят в меня гораздо
сильнее, чем я сама*

Январь

Глава 1

Идеальные похороны. Иначе и быть не могло, ведь Натали сама все устроила, а у нее талант. В бюро ритуальных услуг они с Люком ходили вместе, но он молча сидел рядом. Нат продумала все детали: урна для сбора средств Национальному обществу по борьбе с раковыми заболеваниями, короткие видеоролики с обращениями к каждому из друзей, которые по кругу проигрывали в фойе. Да уж, в Фармингтон-Хиллз, штат Мичиган, это точно были похороны года...

Люк нажал кнопку пульта, и гаражные ворота поползли вверх. Он заехал внутрь и припарковался рядом с бежевым мини-венком Натали. Машина дважды мягко подскочила на порожке – приехали. На заднем сиденье завозились дети. У Уилла глаза совершенно красные. Четырнадцать лет и без того сложный возраст, а тут еще смерть матери... Наверное, у подростков из-за обилия гормонов особенно велик запас слез. Свои Люк давно израсходовал. Это хуже. По крайней мере, когда плачешь, никто не выражает восхищение по поводу того, как хорошо ты держишься, и не отпускает замечаний, что она теперь «в лучшем из миров». Им невдомек, что изображать смирение гораздо легче, чем на самом деле смириться со смертью.

Мэй подняла голову.

– Папа, я есть хочу. Что у нас на ужин?

Люк только диву давался: у девятилетней девочки аппетит мальчишки-подростка.

Уилл вздохнул:

– Мы же на похоронах поели, Мэй. У папы не было времени готовить.

– Ничего страшного, Уилл. Бабушка Терри нам весь холодильник едой забила. Если Мэй голодна, я что-нибудь разогрею.

Мать Натали ушла сразу же после того, как отзвучало последнее «аминь». Неудивительно – Люк ей никогда не нравился. Хорошо бы она уже уехала. Не хотелось ощущать ее тяжелый взгляд, как будто Люк виноват в том, что у Натали рак...

– Ребята, вы идите в дом, а я возьму Клейтона.

Мэй просунула голову между сиденьями. Вздернутый мамин нос, глаза Люка, а улыбка – нечто среднее, причудливый результат смешения генов.

– А ты не захватил оттуда шоколадного печенья? Такое было вкусное!..

– Ты как будто с дня рождения приехала! – Уилл выскочил из машины, как ошпаренный, и с размаху захлопнул дверцу.

– Не обращай внимания, детка, – посоветовал Люк. Надо бы заставить сына извиниться перед сестрой, но сил не нашлось.

Мэй пожала плечами и вновь распахнула дверцу.

– Бабушка какую-то еду складывала в нижний шкафчик на кухне, поищи там.

– Хорошо, папа! – Девочка скользнула по сиденью и выскочила из машины.

Уилл впервые так разозлился после смерти матери, а Люк пережил несколько приступов гнева с тех пор, как Натали вернулась домой с последнего обследования – их полагалось проходить каждые три месяца. Первые месяцы ремиссии они тихо радовались. Получив хорошие снимки, Натали прилепила к стеклу автомобиля магнитик с желтой лентой¹ и рабо-

¹ Желтая лента как символ онкологических заболеваний олицетворяет собой проблему злокачественных новообразований костной ткани. – *Здесь и далее прим. пер.*

тала волонтером в фонде «Передай жизнь» – в розовой футболке с надписью «Я выжила». Через пару месяцев волосы у нее отросли, и она не натывалась больше на сочувственные взгляды. А спустя три месяца новые рентгеновские снимки и анализ крови положили конец их надеждам...

Люк вытащил ключ зажигания и сунул в карман.

Он глушил гнев, колотя грушу в подвале. Нарочно не надевая перчатки.

Клейтон дремал в детском кресле. Изогнутые, будто лук у Купидона, губы, тонкие пушистые ресницы... Когда щелкнула пряжка, он распахнул глаза.

– Приехали, папочка?

– Да, сынок. Пойдем переоденемся в пижаму. – Люк нажал оранжевую кнопку и расстегнул две последние пряжки.

– Люблю тебя, папочка. – Клейтон протянул ему ручонки. Люк вытащил из машины худенькое тельце, трехлетний сын обнял его за шею и сразу уснул опять. Люк глубоко вдохнул: Клейтон пах мальчишеским потом и чипсами – Терри отвлекала ими внука во время службы.

Люк больше не злился. Ему было грустно. Грусть пропитала его до костей, угнездилась в груди, проникла в каждую клеточку тела. Он подошел к дому со спящим мальчиком на руках. Мэй оставила дверь открытой; Люк ногой прикрыл ее за собой. В пустом холле шаги звучали гулко. Обычно, приходя с работы, Люк постоянно спотыкался о школьные рюкзаки и кроссовки, но теперь он дико тосковал по беспорядку – свидетельству привычной жизни. Перед отъездом мать Натали все убрала: из гостиной исчезли больничная койка, стопки журналов, полупустые бутылки с водой. Не было нового телевизора, который они собирались повесить в углу у окна, – вчера приходил электрик и подключил его в подвале к новой игровой приставке, которую купила Терри, – как будто это поможет детям позабыть, что их мать умерла. Теперь комната, где его жена испустила последний вздох, смотрелась как обычная гостиная: светлая мебель, коричневый ковер, семейные фотографии на стенах.

Хоть пахло так же – корицей и ванилью. Наверное, какой-то освежитель. Лучше отыскать, где он хранится, а то вот так вернешься домой в один прекрасный день, а запах улетучился... Надо спросить у Энни. Она ведь лучшая подруга Натали, должна быть в курсе всяких маленьких секретов.

Люк глубоко вздохнул, чтобы аромат наполнил легкие. Уилл закрылся в комнате, Мэй шуршала на кухне. Всё, как всегда. Хорошо, когда рядом не крутятся друзья и родственники, изо всех сил желающие услужить. Можно спокойно бродить по дому в старых рваных трениках.

С каждой секундой Клейтон становился тяжелее, а костяшки и предплечья у Люка саднили после вчерашнего ночного сеанса у боксерской груши. Он повернул к лестнице – и тут что-то попало ему под ногу. Люк поскользнулся и еле сдержал крик, пытаясь сохранить равновесие. В удивлении он воззрился на цветной прямоугольник бумаги.

Если б дело происходило в привычной жизни, на полу валялся бы листок из тетрадки с домашней работой или рисунок, выпавший из-под магнита с холодильника. Люк решил, что это еще одна открытка с соболезнованиями. Присев, он подцепил конверт пальцами и поднес его к свету, лившемуся с крыльца через окно. У плеча заворочался Клейтон.

Надпись на конверте: «Для Люка». «Л» с завитками по бокам, миниатюрная наклонная «к». Почерк Натали... Глаза обожгло слезами.

Откуда оно? Люк огляделся в поисках отгадки. Как письмо от умершей жены могло оказаться под лестницей? Его взгляд задержался на входной двери с латунной щелью для почты. Десять лет назад Натали сама выбрала эту дурацкую дверь, когда они строили дом, но первой же холодной мичиганской зимой попросила ее засиликонить. За девять лет у него так и не дошли руки. А теперь через эту щель с ними говорила покойная супруга...

Конечно, это не она. Люк покачал головой и сунул письмо в карман. Натали умерла. Покойники не подбрасывают письма в почтовые ящики и не переселяются на небеса. Люди просто умирают. Скорее всего, кто-то что-то напутал.

Люк занес ногу над ступенькой, и тут из кухни выбежала Мэй – все в том же черном платье по колено, что на похоронах.

– Пап, можно, я съем злаковый батончик? – Она показала ему лакомство в серебристой упаковке. – Мама не разрешала сладкое перед сном, но ведь батончик полезный.

Когда дочь вот так, походя, вспоминала мать, у Люка перехватывало дыхание. Почему она такая сильная, а он такой слабый?

– Конечно, родная! – Почувствовав укол совести, добавил: – Только молока себе налей, хорошо?

– Ты что, папа! Я не справлюсь! Бутылка тяжелая, я все время проливаю...

Мэй сунула в рот каштановый локон – детская привычка, которую она приобрела с тех пор, как волосы отросли. Натали считала, что это пережитки сосательного рефлекса, и одергивала дочь, но Люк не стал. Сейчас дочке необходимы уют и покой.

– Попрошу Уилла, он спустится и поможет тебе.

– Думаешь, он больше на меня не злится? – Девочка заправила мокрую прядь за ухо.

Люк передернул плечами. Что ж, может, и стоит делать замечания.

– Конечно, нет. Просто ему грустно, а когда грустно, люди часто огрызаются на близких.

– Ну ладно.

Мэй разорвала зубами упаковку и пошла обратно в кухню.

– Я люблю тебя, – сказал Люк ей вслед.

– Я тебя тоже, – бросила она через плечо.

* * *

Люк уложил Клейтона, уговорил Уилла помочь сестре на кухне, затем пошел к себе. Там бросил пиджак на кровать и расстегнул ремень на брюках. Ремень носить еще можно, только не сам костюм. Надеть куда-то брюки и пиджак, что были на тебе в день похорон жены?.. Нет уж, спасибо. Люк достал из шкафа чехол и наскоро впахнул туда пиджак. Взгляд зацепился за торчащий из кармана голубой конверт.

Письмо... Он совсем позабыл о нем. Трудно сказать, нечаянно или нарочно. Почерк на конверте до боли походил на почерк его жены. Люк схватил письмо, выпустив из рук чехол, и вскрыл конверт. Оттуда выскользнул сложенный лист, вырванный из блокнота со спиральной пружинкой. Значит, все-таки Натали. Никто на свете не станет писать писем овдовевшему мужу в блокноте за пятьдесят центов, даже не обрезав бахрому с краю.

Люк бросил пустой конверт на кровать. Замер, поймав в зеркале собственное отражение: светлые волосы расчесаны на пробор, галстук аккуратно завязан – как будто на собеседование собрался. Единственный признак ужасного дня – соломенная щетина на подбородке. Странно и неправильно, что снаружи он выглядит таким собранным, в то время как изнутри разваливается на части... Люк расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке, ослабил галстучный узел и взъерошил волосы, а потом присел на угол кровати спиной к зеркалу и дрожащими руками развернул листок. Сверху рукой Натали было написано: «В день моих похорон». Дальше шел текст: знакомые до боли завитки. В ушах как будто зазвучал ее голос.

Дорогой Люк!

Может, стоит написать «родной» или «любимый», а может, дружески окликнуть: «Эй, Люк...» Не знаю, как умершая женщина должна обращаться к супругу. Если ты чита-

ешь это, скорее всего, меня нет в живых. Не исключено, конечно, что ты рылся в моих вещах и нашел дневник. Если так, то стыдись!.. Но нет, ты никогда не совал нос куда не просят; вероятно, меня больше нет.

Прежде всего хочу сказать, что люблю. Люблю тебя и наших детей так, что словами не описать. При мысли, что ты живешь без меня, начинает подташнивать, как тогда от жуткого желудочного гриппа, который я подцепила, когда родился Клейтон. Я злюсь, завидую и испытываю еще кучу гадких чувств. До того, как окончательно рассироплюсь – а день у тебя, должно быть, и так выдался чересчур сладко-сиропный, – скажу то, что думаю: как же не хочется оставлять тебя одного!

Чувствую себя героиней дешевой мелодрамы: пишу письмо, которое откроют в день моих похорон... Конечно, доктор Сандерс говорит, что у меня неплохие шансы на то, чтобы выкарабкаться, но ты же меня знаешь – я никогда не доверяла докторам. В любом случае от дневника вреда не будет, правда ведь? Знаешь, всегда хотелось попробовать себя в писательском ремесле. Может, это первый шаг к роману, который крутится у меня в голове последние лет десять... Говорят, надо писать о том, что знаешь. Так вот, мы с раком не особо близкие друзья.

Завтра первый день химиотерапии. Переживаю. Не то, чтобы мне сильно жалко волос, хотя я наревелась по этому поводу. Видела я в приемной у Сандерса этих исхудавших, безразличных ко всему бедолаг. Сегодня там стоило одну девушку после облучения. Наверное, это был один из первых сеансов, потому что волосы у нее на месте. А может, просто хороший парик. Надо спросить, где она его купила.

Однако самое чудовищное – другое. Санитарки невозмутимо вытерли рвоту с пола, со стен и стульев, как будто это дело привычное. И тут я заметила, что у Сандерса нигде нет ковров. Только представь! Похоже, они столько раз нанимали клининговую фирму, что в конце концов решили обойтись линолеумом...

Ну да ладно, хватит. Завтра дальше расскажу. Пожалуйста, обними и поцелуй за меня детей. Не рассказывай им пока о письмах с того света, а то они испугаются. Помню, когда Мандаринка издохла и плавала в аквариуме животом вверх, ты сказал детям: «Если умираешь, то навсегда». Я еще тогда мысленно отметила, что это жестковато. Интересно, обо мне ты сейчас тоже так думаешь? Что я умерла навсегда? Я сплю, а меня гложут черви, превращая в удобрение для почвы, из которой растут маргаритки... Ну и пусть. Все равно я люблю тебя и скучаю. Завтра напишу еще.

Натали

Люк разгладил страницу, лежавшую на колене. Ждал приступа острой тоски, но вместо этого со дна души поднялось теплое чувство. Даже захотелось не сжечь костюм, а повесить в шкаф.

Он сложил письмо по тем же сгибам, спрятал его в конверт и положил на подушку. Натали постоянно изобретала что-то подобное. Она даже писала любовные записки черным фломастером на бананах, которые клала ему с собой на обед. Люк полагал, что признания в любви на бананах – самый странный на свете способ общения. Однако письма из могилы будут посильнее. И тем не менее это чудесно. Неужели завтра придет еще одно? При этой мысли ему даже захотелось улыбнуться.

Пожалуй, отложим решение по костюму. Люк сунул ноги в дырявые треники и натянул майку с длинным рукавом. Интересно, получится сегодня поспать? Врач прописал ему снотворное, но Люк почти свыкся с бессонницей.

Он повесил брюки и пиджак на вешалку и застегнул молнию на чехле. Поглядел на просвет в гардеробной там, где обычно висел костюм – перед рабочими рубашками с короткими рукавами. Надо бы запрятать его поглубже, иначе будет наткаться на него всякий раз,

как зайдет за джинсами или туфлями... Может, со временем получится вообще о нем забыть. Люк решительно шагнул внутрь, старательно отворачиваясь от блузок и платьев Натали по другую сторону комнаты. Он не убирал ее вещи, пусть даже хозяйка их больше не наденет. У задней стенки гардеробной висела черная гавайская рубашка с красными цветками на груди. Люк подвинул ее и втиснул в просвет свой костюм. Лязгнул металлический крючок вешалки, из кармана пиджака вылетел кусочек белой бумажной бахромы. Люк подхватил его на лету, будто тот мог растаять, как снежинка, обессиленно сел на пол и прислонился спиной к платьям Натали. Его окутал знакомый запах порошка и лосьона для тела.

Письмо не заполнило пустоту в душе, саднившую так, будто удалили жизненно важный орган, но что-то все-таки произошло. Впервые за несколько месяцев он ждал следующего дня. Она ведь вправду так сказала? Что напишет еще? Вообразив, как завтра очередной голубой конверт скользнет в щель для писем и газет на входной двери, Люк почувствовал что-то, похожее на радость. Он сжал обрывок бумаги и выдохнул:

– Спасибо!

Глава 2

Клейтон проснулся еще до рассвета. Люк утянул его к себе в постель и включил мультики. Сын посидел спокойно минут двадцать, потом начались капризы.

– Папа, принеси, пожалуйста, молока!

Натали настаивала, чтобы дети просили вежливо. Похоже, он пытался поддерживать жизнь по ее стандартам.

– Ну, па, принеси молочка, пожалуйста! – Глаза у малыша стали как блюдца. Разве можно отказать?

Люк сходил туда-сюда три раза. В спальнях Уилла и Мэй по-прежнему было тихо. Время близилось к одиннадцати. Интересно, надо ли их будить? Может, пусть себе спят целый день?

Люк прошлепал к лестнице и заметил на полу, у входа, среди почты голубой конверт. Дыхание перехватило. Рука скользнула в карман, нащупывая письмо, найденное накануне. Все еще там. Одного письма было бы вполне достаточно. Точнее, он так думал, пока не увидел новое, наполовину скрытое под счетами и открытками с соболезнованиями. Снова весточка от Натали, капля утешения?

Босые ступни шлепали по деревянным половицам. Через высокие и узкие дверные окна в холл лился яркий солнечный свет, отражавшийся от пушистых сугробов, будто сделанных из пудры. Люк приставил козырьком ко лбу ладонь, второй рукой полез в бумаги и вытянул письмо от Натали.

На конверте значилось его имя. На этот раз был указан их адрес, нашелся и почтовый штамп. На штемпеле стояло: «Фармингтон-Хиллз, Мичиган». Люк перевернул письмо. На обороте жирными буквами было написано «День 2». Даже не пытаясь действовать аккуратно, он разорвал конверт. Очередной сложенный вдвое листок с бахромой вдоль края.

Времени на чтение немного – Клейтон вот-вот заметит, что отца нет. К тому же скоро проснутся Мэй с Уиллом.

Натали была права: говорить детям о письмах пока не стоило. Люку не хотелось показывать эти письма, он сам не знал, почему. Больше всего на свете он любил оставаться вдвоем с Натали, когда дети уже спали, и болтать с ней обо всем на свете. Как он теперь без нее?

День 2

Дорогой Люк, химиотерапия – это жуть, подтверждаю официально. Сегодня много не напишу. Чувство такое, будто я подхватила желудочный грипп, попала в ДТП и выпила лишнюю дозу снотворного. Наверное, эффект от химии. Это же яд, пусть доктор Сандерс говорит, что яд целебный... Так себе оксюморон.

Надо поспать. Надеюсь, письмо придет вовремя, и ты успеешь все сделать. Знаю, что я умерла и все такое, но это не мешает надавать тебе поручений; разве что пилить тебя не смогу, пока не добьюсь своего.

Испечешь детям блинчиков? Знаю, ты не привык готовить завтрак, но поверь, бывают дни (особенно после маминых похорон), когда горячие блинчики на завтрак, испеченные тем, кто тебя любит, просто незаменимы. Только не по тому рецепту, что на пакете с мукой, прошу. У меня есть особый. Напишу его на обороте. Кстати, не забудь, на блинчике для Мэй нужно выложить шоколадной крошкой рожу с улыбкой. Без нее есть не станет.

Поцелуй за меня детей. Люблю тебя и очень скучаю.

Натали

Люк перевернул страницу. Может, она еще что-нибудь написала? Но там был только рецепт. Вроде бы довольно простой. В последние несколько недель в доме постоянно крутились люди, они готовили детям или оставляли готовую еду в пластиковых контейнерах. Сам Люк почти не ел. Последние три месяца он питался в основном хлопьями из коробки, макаронами с сыром, бананами и морковью, чтобы Натали видела, будто он по-прежнему пытается вести здоровый образ жизни. Теперь надо заботиться о том, чтобы дети ели три раза в день, причем нормальную еду.

– Папа! Молока! – завопил Клейтон из спальни, и вопль эхом разнесся по дому. Очень вежливая просьба.

Наверху распахнулась дверь.

– Папа, Клейтон кричит! А я вообще-то поспать планировал... – Уилл лениво тянул слова. Интересно, во сколько он вчера лег?

– Сейчас принесу ему молока, а потом приготовлю завтрак. Как насчет блинчиков?

Люк свернул письмо и сунул в карман к предыдущему. Уилл перегнулся через перила, волосы спросонья торчали иголками – модная прическа. Как он похож на маму – даже чуть шепелявит, как она, когда устал или расстроен... Раньше Люк немного досадовал, что сын больше похож на Натали, чем на него; теперь же был рад этому. Пусть все трое напоминают ее, так он меньше скучал.

– Папа, ты ведь не умеешь печь блины!

– Ничего, попробую. – Люк поднялся по лестнице и опустил руку на плечо сыну. – Я все-таки инженер. Если уж конструирую телефоны размером с кредитку, то с простым рецептом как-нибудь управлюсь.

* * *

Пока Люк разыскал все ингредиенты из списка Натали, настал полдень. Уилл отчаялся дожидаться блинчиков и в полдвенадцатого съел миску хлопьев, а затем пошел к себе в комнату. Зато Мэй набралась терпения. Заслышав шум на кухне, она поклялась, что не проглотит ни кусочка, пока на нее не глянет улыбающаяся блинная рожица. Люк был тронут ее преданностью, но опасался, что бедный ребенок умрет с голоду, не дождавшись, когда первый свежее испеченный блин хлопнется на тарелку.

Нахмурившись, он смотрел на комковатую мешанину из молока, уксуса, яиц и топленого масла. Согласно указаниям Натали, нужно было влить это в муку и еще раз размешать. Если он ничего не напутал. Люк собрался вбухать грязно-белый раствор в миску с мукой, и тут зажужжала дверь гаража.

– Эй, Ричардсоны! Вы дома? Я ждала-ждала, чтобы прийти попозже, еле вытерпела! – крикнула Энни.

В последние три месяца Энни являлась каждый день в полдевятого утра. Сперва она притворялась, будто решила заскочить во время утренней пробежки, однако в декабре выпал снег, и она стала заезжать на машине. Люк с Натали притворились, будто не заметили. Потом Натали совсем обессилела и перестала вставать с постели, тогда и назвала Энни код от гаражной двери. Похоже, утренние визиты со смертью Натали не прекратятся...

Энни появилась на пороге в длинном зимнем пальто, на плечах лежал снег.

– Ну и мороз!

Отлично. Настоящий живой человек. Люк глянул на футболку – вроде бы прикрывает треники «с дырками на заднице», которые ввергали в священный ужас мать Натали. Уилл с Мэй смотрелись не лучше. Забыл попросить их переодеться и причесаться... Клейтон

дремал на диване, обожравшись леденцов; пижама в самолетиках была заляпана цветными сладкими каплями.

– Энни! – Мэй подхватила с дивана перед телевизором и ринулась к ней, едва не снеся перегородку между гостиной и кухней. Она все еще бродила по дому в ночной рубашке, кудрявые волосы одуванчиком пушились вокруг лба. Да, дети не в лучшем виде. Впрочем, Энни поймет.

– Привет, малышка! – Гостья охнула, когда Мэй бросилась ей на шею и обвила шею тонкими ручонками. – Как дела?

– Отлично! – заявила та, когда Энни опустила ее на землю. – Папа пытается нажарить блинчиков!

– Ключевое слово «пытается», – пробурчал Люк.

– Как тебе повезло с папой... Блинчики – это прекрасно даже в полдень! – Энни достала из кармана телефон и посмотрела на экран. – Завтрак на обед звучит неплохо. Помочь?

Она сняла шляпку, похожую на берет, и швырнула ее на полку. Из-под шляпки выпали светлые волосы, постриженные бобом. Под объемным фиолетовым пальто обнаружились футболка с длинным рукавом и обтягивающие легинсы для йоги. Неужели до сих пор прикидывается, что заскочила во время пробежки? Натали наверняка отпустила бы шуточку. Люк понятия не имел, что бы она сказала, но все равно улыбнулся, а в горле образовался ком. Он проглотил его и протянул Энни миску с непонятной мешаниной.

– Знаешь, что это?

Энни принялась.

– Обалдеть! Это же тесто для блинов по тайному рецепту Натали! Я годами выпрашивала у нее секрет... Она что, все-таки доверилась тебе?

– Ну да. – Он показал на письмо, лежащее на стойке подальше от молочно-мучной лужи.

– Я посмотрю? – Энни ухватила листок. Нахмутив тонкие брови, она впитывала слова, написанные почерком Натали, и ее глаза блестели от слез.

Люк даже не подозревал, что Энни так переживает, потеряв подругу. Пусть она любила Натали как сестру, по правилам приличия скорбеть ей полагалось не больше, чем по касирше из соседнего супермаркета. Это от вдовца все ожидают трагического вида.

Они любили друг друга, как сестры, но внешне были совсем не похожи. Невысокая брюнетка Натали не обращала внимания на размер джинсов, которые носила, с наслаждением уплетала сладости и часто пропускала тренировки: мол, скулы у нее не такие красивые, чтобы худеть. Люк не возражал – ему нравились ее формы, а еще больше нравилась уверенность в себе. Лучше иметь полную жену, которая ничего не имеет против того, чтобы заниматься любовью при включенном свете, чем закомплексованную худышку, прячущуюся в темноте.

Энни была стройной, подтянутой, высокой – на голову выше, чем Нат. Она обожала утренние пробежки и витаминные коктейли, главным образом потому, что целый день просиживала за столом, заполняя медицинские карты. Когда Люк с Натали выходили куда-то вместе с Энни и ее мужем Брайаном, глаза всех мужчин вокруг устремлялись на Энни. Брайану было наплевать; Люк даже втайне завидовал его природной самоуверенности. Замечая нервозность мужа, Натали выразительно закатывала глаза, так что он научился игнорировать чужие взгляды. Энни с Натали не обращали внимания на собственную внешность. Они познакомились на встрече родительского комитета – Уилл еще ходил в садик, а сын Энни учился в пятом классе – и сразу же подружились.

Энни подняла глаза от листка с рецептом. По ее щекам струились слезы.

– Ну и стерва! – Она всхлипнула и утерла нос тыльной стороной ладони. Люк потянулся за бумажным полотенцем. Энни взяла его и промокнула глаза. – Спасибо! Ты в курсе,

что это рецепт с кулинарного сайта? Слово в слово. А она заливала, что есть какой-то секретный ингредиент!

Люк нервно хихикнул.

– То есть из этой гадости что-то выйдет?

– Вполне. – Энни прищурилась. – Если ты все делал по рецепту, получилось кислое молоко. Поздравляю.

– Хочешь сказать, что я мог купить его в магазине?

– Ага, в молочном отделе. – Энни рассмеялась и пошла к холодильнику. – Давай повешу рецепт сюда... Господи, а это ты видел? – Она заглянула на обратную сторону, когда хотела прижать листок магнитом.

У него по рукам побежали мурашки. Он совсем позабыл о письме, предназначенном только для него. Люк машинально вытер руки о футболку, и на синей ткани остались белые следы.

– Ага. – Ему хотелось вырвать у нее из рук этот листок и спрятать, сделать так, чтобы Энни думать забыла о письме.

– Откуда оно у тебя?

Люк пожал плечами, будто во всем этом не было ничего особенного.

– Пришло вместе с почтой.

– Но тут написано «День два»! – взвился вверх голос Энни. – А где «День один»?

Она нахмурилась, тяжело дыша.

Отвечать не хотелось. Сейчас начнутся неизбежные расспросы: кто, как, зачем? Вот бы просто забрать письмо обратно и спрятать в карман...

– «День один» у меня. – Их разделяли два шага. – Только оно очень личное, Энни, прости. Знаю, вы всем делились, но эти письма – только для меня. Это все, что у меня осталось.

Они стояли так близко друг от друга, что он разглядел покрасневшие глаза с залегшими под ними синяками. Наверняка не спала несколько ночей подряд. Натали всегда говорила, что подруга – мастер делать вид, будто всё в порядке. Лишь теперь Люк понял, что она имела в виду.

– Извини. Ты прав. – Глубоко вздохнув, Энни отдала ему письмо. В глазах у нее стояли слезы, но она не расплакалась – какое облегчение для Люка... Он не умел утешать. Черт возьми, хватит с него детей, которых нужно успокаивать! Как тут управиться с Энни?

Он хотел было похлопать ее по плечу и вдруг понял, что они совсем близко – лбы почти соприкасались, от ее дыхания шевелились волосы на виске. Люк отступил на полшага до невидимой черты – дистанция, которую соблюдают женатые люди, общаясь с противоположным полом, – сложил письмо и сунул его в карман.

– Прости, пожалуйста...

Энни слабо улыбнулась, будто загоняя внутрь невыплаканные слезы.

– Ничего страшного. – Она промокнула глаза обрывком бумажного полотенца и огляделась. – Давай, что ли, напечем блинчиков?

Люк выдохнул.

– Давай, конечно.

Энни отвернулась в поисках сковороды, и Люк поглубже затолкал письма в карман. «Так-то верней будет», – подумал он. На самом деле ему просто необходимо было еще раз до них дотронуться и позабыть, что Натали больше нет. И никогда не будет.

* * *

За несколько минут они напекли почти таких же блинов, какие получались у Натали. На голубом блюде высилась стопка золотистых кружков. Энни поставила на стол бумажные тарелки и пластиковые приборы.

– Мэй, позови Уилла, – попросил Люк.

Девочка попыталась встать и схватилась за живот.

– Прости, папочка, животик болит! Я такая голодная...

– Садись, я сам позову.

– Стой! – Энни помогла Мэй вскарабкаться на длинную скамейку поближе к краю стойки, выложенному плиткой, и обратилась к Люку: – Блины готовы, разложи по тарелкам и порежь, дети сейчас придут.

Она плюхнулась в кресло, где раньше сидела Мэй, и схватила свой телефон с золотистой столешницы. Люк наблюдал за ней, пока она набирала текст и замирала несколько раз, видимо, ожидая ответа.

– Уилл говорит, что уже спускается.

– Выходит, ты ему написала, и он вот так запросто решил спуститься? – Люк выложил на тарелку блинчик для Мэй с улыбающейся рожицей из шоколадной крошки. Уилл никогда ничего не делал с первого раза, даже когда мама просила. – Поверю только, если увижу...

На лестнице раздались шаги. Энни усмехнулась.

– Поразительно: человек, который зарабатывает на жизнь, конструируя мобильные телефоны, до сих пор не купил себе смартфон!

– Инженеры и самолеты конструируют, но это ж не значит, что у каждого из них есть свой самолет. – Люк ткнул вилкой в блин, испытывая угрызения совести за то, что оказался способен пошутить. Ему ведь полагалось лежать в постели, свернувшись в клубочек, и тихо поскуливать, так ведь?

– Зато ты погляди, какой эффект! – Гостья кивнула на Уилла. Тот появился на пороге в мешковатых джинсах и старой футболке Люка с логотипом «Металлики».

– Еда готова, или у меня галлюцинации от голода? – изрек Уилл, усаживаясь за стол.

– Да ты юморист! – Энни взъерошила ему волосы, и мальчик не отстранился. Она здорово умела ладить с подростками. Ее единственный сын Мэтт только что поступил в Джорджтаунский университет в Вашингтоне. С начала занятий он побывал дома всего однажды, и Энни отчаянно скучала по нему. Брайан однажды признался, что уговаривал Мэтта пойти в Мичиганский университет и приезжать домой на выходные – постираться, там, и маму повидать, – но парень мечтал изучать политологию и остановил свой выбор на Джорджтауне.

Постираться... Люк окинул взглядом свою футболку и старые тапочки. Если б Энни не пришла, он так и проходил бы целый день, однако присутствие посторонних в доме мотивирует. Не мешало бы не только переодеться. Люк поймал свое отражение в дверце микроволновки – на голове бардак, волосы торчат на одну сторону, как Пизанская башня... Он выключил конфорку и сгрузил в тарелку последнюю партию блинчиков.

– Посмотришь за детьми, а я пока переоденусь?

– Без проблем, – ответила Энни, раскладывая рядом с каждой тарелкой пластиковые приборы.

– Спасибо! – Он отдал ей полный металлический поднос. – Смотри, тот, который с улыбкой, – это для Мэй.

– Хорошо.

Энни кивнула и поставила поднос на стол, затем подняла Клейтона с дивана.

Поднимаясь по ступенькам, Люк с улыбкой прислушивался к бормотанию из кухни. Он любил возвращаться с работы и подслушивать, о чем болтают члены семейства, до того, как они заметят, что он дома. Сейчас Люк не мог разобрать, что обсуждали, но тон голосов разительно отличался от тревожного молчания, прерываемого нечаянными всхлипами, которое воцарялось в присутствии Терри, матери На-тали.

Все было бы по-другому, будь жив отец Натали. Он всегда был сильнее жены – и умер пять лет назад от сердечного приступа. Натали переживала, справится ли мать. Почему те, кто сильнее, уходят первыми?

Только Люк ступил на лестничную площадку, как раздался пронзительный вопль. Кричала Мэй – так, будто на нее напало чудовище. Люка окатило горячей волной, и он помчался обратно, едва не поскользнувшись на полированном полу.

– Мэй!

Уилл уткнулся в тарелку и медленно жевал блинчики, обмакивая их в лужицу сиропа. Клейтон помахал ему и сунул в рот блинный квадратик. Мэй с Энни не было. Хлопнула дверь в ванную.

– Ее здесь нет! – крикнула Мэй из холла. – Наверное, она наверху. Энни, пойдём поищем!

Люк метнулся к лестнице.

– Ты почему так кричала?

– Все хорошо, папа! Это от счастья!

– У меня чуть сердце не остановилось! – Люк присел на корточки и заглянул в голубые глаза дочери. – И что же тебя так осчастливило?

Наклонившись к нему, Мэй прошептала:

– Она вернулась!

Люк посмотрел на Энни, но по ее лицу невозможно было разобрать, что случилось.

– Кто вернулся, малышка?

– Мапочка!

Люк зажал рот ладонью, на глаза набежали слезы.

– Детка, мамочка умерла. Она не вернется. – Он заправил ей за ухо мокрую прядь.

– А откуда тогда блинчик с улыбкой? Их только мамочка делает. Она вернулась, точно! Я знаю!

– Это я испек, родная. Мамочка сказала, что ты так любишь. Я думал, ты обрадуешься... Прости меня.

Люк потянулся, чтобы обнять девочку, приласкать, поцеловать в щеку – он делал так, когда она начинала ходить и постоянно билась головой и когда падала с велосипеда и разбивала коленку. Но Мэй уже выросла, к тому же дело было не в разбитой коленке.

– Нет, это мамочка! Она бы не ушла от меня! Она меня любит. Она сказала, что будет смотреть на меня.

– Она имела в виду, что будет смотреть за тобой с неба, – крикнул из кухни Уилл. Он появился в дверях с Клейтоном на руках; рожица у того была измазана липким сиропом. – Только папа не верит в рай на небесах, поэтому зря не кричи.

– Ты думаешь, что она навсегда ушла? Папа, не может быть!

Мэй взглянула на него так, будто он собственноручно убил ее маму. Лицо девочки искажилось, она бросилась вверх по лестнице. Люк так и остался стоять на коленях.

– Я поговорю с ней. – Энни смахнула слезы и пошла наверх.

Что ж, может, она найдет нужные слова. Люк сунул пальцы в карман и погладил конверты.

– Пап, давай я Клейтона сам переодену, а то он весь липкий, – прошептал Уилл.

Глядя вслед сыну, Люк подумал, что надо бы взять у него Клейтона и по-отцовски поговорить. Тяжело потерять маму, но зачем же терзать остальных?.. Надо бы, но он не смог.

Люк сел на нижнюю ступеньку и уронил голову в руки. С чего он взял, что справится сам? Неужели нельзя отмотать на год назад, начать все сначала и отыскать какой-то способ помочь Натали? Почему все сложилось именно так?

Энни молча спустилась и села рядом с ним.

– Она хочет в ванную. Я пообещала, что спрошу у тебя, можно или нет.

Люк не поднял глаз в надежде, что Энни сочтет молчание за разрешение и уйдет, чтобы сказать об этом Мэй. Но она не ушла. Не говоря ни слова, положила руку ему на спину между лопаток и стала легонько поглаживать кругами. Тишина окутала их байковым одеялом.

Из глаз хлынули слезы, которые он удерживал целый день. Из горла вырвался горестный всхлип, такой сильный, что разрывал грудь. Люк попытался задержать дыхание, однако рыдания не унимались. Почему ему так плохо? Ведь были же месяцы, целые месяцы на то, чтобы подготовиться... Ему бы держаться кремнем... И тут он вспомнил о письмах. Надо снова взглянуть на строки, написанные ее рукой.

Слезы остановились, спрятались в сердце. Люк утер лицо футболкой. Энни, почувствовав, что он успокоился, слегка похлопала его по спине и убрала руку.

– Сходи-ка в душ и переоденься, – шепнула она. – Пусть Мэй идет купаться, а я пока на кухне уберу.

Люк все еще не мог поднять глаза на Энни. Наверняка лицо у него опухло и покраснело. Он пялился на щель в деревянном полу, собираясь отказаться от предложения, показать, что он сильный – сам уберет на кухне. Хотя какой он сильный! Даже завтрак приготовить не смог, к тому же все переругались...

– Спасибо, – пробурчал Люк.

Энни встала и пошла наверх. Когда хлопнула дверь в комнату Мэй, Люк тоже встал. Он примет душ, переоденется, достанет письма и перечитает их опять. И снова окажется в мире, где Натали жива.

Глава 3

С тех пор как Натали тихо ускользнула во сне, дождавшись, когда Люк задремал рядом с ней на диване, прошло десять дней. Неделя со дня похорон. Пришли еще три письма, все в одинаково голубых конвертах – цвета яйца малиновки. Люк никак не мог поймать тот момент, когда их кидали в щель для почты. Не находя среди писем голубого конверта, он тут же начинал думать, что больше их не будет. Однако через день или два приходил конверт без обратного адреса. Люк уже не пытался разгадать замысел Натали. Если честно, он многого не понимал в ней еще при жизни, а уж разгадать ее теперь, когда от нее остались лишь воспоминания и несколько случайных писем...

Натали рассказывала о том, как прошел день, о постоянной тошноте, о том, что выпадали волосы – постепенно; у нее не хватило духу сбрить их все разом, как делали другие пациенты. Было письмо, в котором Натали описывала, как, к своему ужасу, чуть не проглотила вместе с утренней овсянкой целый клочок собственных волос. По ее словам, на вкус то же самое, только жевать дольше. В конце концов она купила парик.

Люк и сам все это помнил – выпадавшие волосы, покупку парика; однако помнить – одно, а читать с ее слов – другое. Из писем складывалось впечатление, что на самом деле было весело сперва обрить ей голову машинкой, затем подшлифовать станком, а после подбирать ей парики и притворяться, будто они – шпионы, а не печальные люди, знавшие, что шансов на исцеление очень мало.

Вчерашнее письмо по тону было чуть другим. Впервые после печального эпизода с блинчиками Натали обратилась к нему с просьбой, а не просто рассказывала о себе, передавая в конце приветы.

День 6

Люк, если ты получил это письмо, значит, меня нет уже около недели. Мне самой не приходилось терять родителей – терять в детстве, я имею в виду. Ты больше знаешь о таком горе. Только запомни, что у наших детей есть любящий отец.

Я тут подумала, что тебе стоит вернуться к работе... Так-так. Теперь минутку позлись на меня – как же можно пойти на работу, когда жена всего неделю как умерла? Быть может, ты начнешь даже меньше скучать, вспомнив, как я люблю во все совать нос. Скажи все, что думаешь, я подожду.

Закончил?

Послушай, ты всегда любил работу. Цифры и опытные образцы – твоя отдушина. Там люди, которые поймут, как устроены твои мозги – как раз против этого устройства я иногда и восставала. Надеюсь, погрузившись в работу, ты избавишься от воспоминаний обо мне, преследующих тебя дома. Когда кончишь читать, иди и приготовь одежду на завтра, только совсем уж меня не забывай. Да, правильно: надень что-нибудь синее – для меня.

Раз уж я взялась распорядиться, то отведи детей в школу. За время болезни я заметила, что каждодневная рутина – отличное лекарство от жизненного хаоса. Завтракать вместе, собирать еду в коробки для ланча, помогать делать домашку, водить в музыкальную школу и на бейсбол, ужинать, ложиться... Все это помогает держаться. А ночью накатывает страх – представляю, как тебя одолевают мрачные мысли, и не могу уснуть. Пусть хлопоты по работе и школьные заботы принесут тебе сон по ночам.

С сегодняшнего дня начинаю учебу в старом добром Мичиганском университете. Доктор сказал, что мне нельзя возиться с первоклашками, пока не кончится химия, так что надо чем-то занять мозги. Всего два семестра, и я закончу магистратуру по педагогике. Вот будет здорово, если одновременно справлюсь и с раком, и с учебой. На этот раз я

выйду на сцену за дипломом, даже если придется нахлобучить парик под шапку с кисточкой. Напомни, чтобы я его не выкидывала. Будет круто.

Хорошего дня, солнышко! Я люблю тебя.

Натали

Люк аккуратно сложил письмо, во всех подробностях представляя лицо Натали. Он попытался удержать перед собой ее образ. Выходить из дома и говорить с людьми не хотелось. Даже в мире цифр и компьютеров много таких, кто станет донимать расспросами. От них не уйти и не скрыться.

* * *

Клейтон тихо играл у себя – уже хорошо, после двух-то недель сплошного телевизора. Люк просунул голову в дверь.

– Пора идти к мисс Энни! Обувайся.

– К мисс Энни? – Клейтон ракетой взмыл вверх. В обоих кулаках он зажимал пиратские фигурки. – А можно взять с собой игрушки?

– Только две. – Люк выставил перед собой два пальца.

Клейтон обвел взглядом комнату с таким видом, как будто папа спросил, какое из своих сокровищ он первым спасет при пожаре.

Десять минут спустя Люк благополучно втиснул в машину Клейтона с четырьмя игрушками. Мэй с Уиллом благополучно успели на автобус, который ушел двадцатью минутами раньше, и, скорее всего, уже добрались до школы. Натали, «по счастью», умерла во время зимних каникул. Половина дальних родственников на похоронах приговаривали: «Ну, хоть школу пропускать не придется». Люк едва сдерживался, чтобы не нахамить.

Он вырулил на дорогу и оглянулся на дом. Газон замело снегом, лишь кое-где под ним просвечивала зеленая трава. В последний раз он разгребал снег примерно месяц назад. Натали наблюдала за ним из окна.

Бедные Мэй и Уилл. Уходили на каникулы – мама болела, настало время вернуться в школу – она уже умерла. Мэй рассказывала, что первый день прошел неплохо: дети держались чуть отстраненно, учителя – слишком заботливо. Уилл особо не распространялся на эту тему. На вопрос Люка буркнул «нормально». Попросить, что ли, Энни, чтобы написал ей сообщение...

Люк подъехал к ее дому по аккуратно расчищенной дорожке и остановился возле «Крузера» Брайана. Днем Энни присмотрит за Клейтоном, а медицинскими картами займется вечером.

Обычно они отправляли Клейтона в ясли, пока Натали учительствовала; Люк собирался поступить так же, но Энни упросила доверить ей мальчика. Сперва Люку казалось, что на трехлетку и так свалилось слишком много перемен, однако Энни и Клейтон, проводя время вместе, похоже, исцеляли друг друга. Прикидывая, что бы ответила на подобную просьбу Натали, он знал заранее, что не сумела бы отказать.

Но Энни не могла присматривать за детьми целый день. Натали оставила инструкции: Люку следовало позвонить какой-то студентке, с которой она познакомилась в университетском городке. Нат была уверена, что девушка поладит с детьми и поможет Уиллу с уроками. Ее звали Джесси. Но Люк еще не был готов к постоянному присутствию в доме посторонней девушки и пока работал только полдня.

– Ну что, вперед, к приключениям? – Он помог сынишке выбраться из детского кресла и взял матерчатый рюкзак с четырьмя комплектами одежды на смену, двумя надувными мячами, шестью поездами и парочкой динозавров. Клейтон осторожно зашагал по дорожке,

щедро посыпанной солью. Люк шел за ним, чтобы подхватить малыша, если тот поскользнется.

– Буду скучать по тебе, дружок, – вздохнул он, помня, что каждый день для трехлетки наполнен кучей драматичных переживаний: соломинка в напитке не того цвета или неправильно разрезанный сэндвич – это же конец света.

– Я тоже, папочка! – Клейтон натянул капюшон, вздрогнув от ветра. – Возвращайся скорее!

– Постараюсь. – Люк взял сына за руку в варежке и помог взойти по ступенькам. – Люблю тебя.

– Знаю. Можно я сам в дверь позвоню?

– Конечно, только жми один раз.

Клейтон поднялся на цыпочки и нажал на желтую кнопку. Внутри запиликал звонок. Люк придержал руку сына, чтобы один звонок не превратился в десять.

– Они пришли! Ты готова? – раздался зычный голос Брайана, словно между ними и не было никакой двери.

Женский голос что-то ответил, Люк не разобрал.

– Ладно, понял. Давай побыстрее!

Брайан будто за дверью стоял, но Люку пришлось попрыгать на ступеньках, пока тот открыл – высокий, мускулистый. Муж Энни в юности был звездой колледжской футбольной команды, но потом порвал связки колена, и это положило конец его мечтам. Теперь он работал в полиции пригорода: разбирался с домашними скандалами и отслеживал нелегалов.

– Привет, как жизнь?

Как жизнь? Хм. Да как сказать. Люк терпеть не мог этот вопрос. Предполагалось отвечать, что все в порядке, чтобы вопрошающему не пришлось испытывать неловкость. С Брайаном они дружили не слишком близко, и Люк ограничился формальным:

– Да вроде нормально, спасибо!

– Сочувствую твоей утрате, – произнес Брайан слова, которые Люк слышал столь часто, что они потеряли смысл. – Даже не знаю, как Энни будет без нее... Спасибо, что разрешил ей приглядывать за Клейтоном. – Он понизил голос: – Знаешь, она очень скучает по Мэтту; я вообще не знаю, как она держится без Натали.

Люк замялся.

– Клейтон обожает мисс Энни. Правда, сынок?

Малыш пробурчал что-то в капюшон. Бедняга совсем замерз, но Брайан, кажется, не заметил этого. Чтобы прервать неловкое молчание, Люк решил сменить тему:

– Как там твоё расследование? Все нормально?

– Расследование?

– Ох, прости... На похоронах Энни сказала, что ты расследуешь какое-то важное дело.

– А, ну да. Расследую. Ты и не представляешь, на что некоторые идут ради наркотиков. С ума сойти. – Брайан потер плечи, покрывшиеся гусиной кожей. – Да вы заходите!

Люк помедлил, заглядывая ему через плечо в поисках Энни. Не слишком-то хотелось оставлять Клейтона с ее мужем. Он, конечно, отличный парень, и с ним приятно поболтать, но с детьми он сидеть не станет.

– Слушай, – Люк тронул Клейтона за плечо, – может, не сегодня...

Послышались торопливые шаги, и в прихожей появилась Энни с мокрыми волосами.

– Ох, Брайан,пусти гостей, что ж они мерзнут на пороге!

– А я им говорил, Энни, я ж не тупой. – Хозяин дома посмотрел на Люка в поисках сочувствия, будто тот тоже знал, какими занудами бывают жены. – Заходите, пока она меня живьем не съела.

– Давай, Брайан, иди уже! – Она нырнула ему под локоть и беззвучно прошептала «прости».

– Люк, рад был тебя видеть! Заходи как-нибудь вечером к Уилли, в дартс поиграем. Я тебе еще пиво должен, ну, ты помнишь... А теперь, извините, я – спать. Вечером на дежурство.

– Да, конечно. До встречи! – Люк выдавил из себя улыбку.

– Не забудь про пиво! – крикнул Брайан с лестницы.

– Не забуду! – натужно ответил Люк, выдохнув с облегчением, когда тот скрылся из виду.

– Прости, пожалуйста, – вздохнула Энни, прислушиваясь, как муж возится в спальне на втором этаже. – Он сегодня в ночь, и мы будем сидеть тихо, как мышки.

Она подмигнула Клейтону, и тот важно кивнул в ответ. Энни сноровисто расстегнула ему куртку и стянула ботинки.

– Знаешь, дружок, я откопала целую кучу Мэттовых игрушек. Приберегла на тот случай, когда стану бабушкой. Посмотришь? Я оставляла только самые хорошие.

Она повесила его пальто на дверную ручку и сунула в карман варежки. Клейтон улыбнулся и ринулся в гостиную.

– Не надо было нам сегодня приходить, да, Энни? – Люк устало оперся о дверной косяк, не в силах притворяться, что всё в порядке. – Начальник почти умолял меня побыть еще дома.

Энни наморщила лоб.

– Ты из-за Брайана? Не волнуйся, мы ему не помешаем, он так и так проспит весь день.

– Нет-нет! – Все же хорошо, когда можно говорить откровенно. – Просто не знаю, готов я вернуться на работу или еще нет.

– А зачем себя заставлять? – Она положила руку ему на плечо. Люк уже привык, что люди постоянно пытаются утешить его прикосновениями. Наверное, что-то вроде негласного общественного уговора: надо потрогать живот беременной женщины и похлопать по плечу вдовца. – Взял бы еще недельку, никто бы не возражал...

– Знаю. – Люк сунул руку в портфель и погладил конверты, с которыми не расставался. Он дал слово Натали, что выйдет на работу. – Ничего, сегодня поработаю до обеда; буду входить в ритм постепенно.

– И правильно. А мы сегодня дома посидим. Но вообще я записала Клейтона на детские чтения в нашу библиотеку, и еще что-нибудь придумаем... Кончатся морозы, станем в парке гулять, гонять на скутере...

– Мальчишки такое обожают.

Да, пусть лучше Клейтон проводит время с Энни, чем торчит в яслях, где ему не станут уделять столько внимания, или валяется дома в постели и ест что попало.

– Энни, пообещай, что скажешь, когда устанешь. И позволишь мне платить тебе хоть что-то.

– Ни за что. Натали просила меня перед смертью присмотреть за детьми... Полагаю, она имела в виду и тебя.

– Серьезно? Она просила?

Что ж тут удивляться, если Натали, лежа на смертном одре, сумела организовать отправку писем... Само собой, у нее был запасной план.

– Слушай, ты что-нибудь знаешь об этих письмах? – Люк вытянул из портфеля стопку конвертов и расправил их веером.

Энни внимательно осмотрела их.

– Никогда не видела. Ну, только в тот день, когда ты показал. Почерк ее... Ты что, до сих пор их получаешь?

– Ну да. – Люк сложил письма обратно в портфель.

Энни пристально за ним наблюдала.

– Кто же их отправляет?

– Я думал, ты знаешь. – Люк передернул плечами, отгоняя разочарование. – Впрочем, это было бы слишком просто...

Тяжело притворяться. Он прикидывался все свое детство, но прошло много лет, и он совсем забыл, каково это. Люк посмотрел на часы – синий циферблат на серебряном браслете, подарок Натали на пятое совместное Рождество. Вот в чем проблема: все напоминает о ней, и от этих воспоминаний холодно и одиноко, не то что от писем...

– Ладно, я пойду.

Клейтон складывал башню из разноцветных кубиков. Если она обрушится, Брайан будет недоволен.

– Попрощаешься? Или боишься, что он начнет реветь?

– Думаю, все будет нормально. Ему хотелось выйти из дома. К тому же он в тебе души не чает.

Клейтон говорил об Энни едва ли не больше, чем о маме, Люку даже было не по себе. В три года не понимаешь различий между «ушла на время» и «ушла навсегда».

– Что ж, – Энни чуть покраснела, – это взаимно. Давай, иди уже на свою работу, а то опоздаешь.

Энни шутливо погрозила ему пальцем. Конечно, он не стал меньше скучать по Натали, но все же хорошо, когда кто-то заботится о твоей семье. Люк достал ключи из кармана пальто.

– Клейтон, папа уходит! Люблю тебя! – Люк улыбнулся и помахал. Сын едва глянул на него, водружая новый кубик на вершину башни.

В распахнутую дверь ворвался январский мороз.

– Ты звони, если вдруг что, ладно?

– Хорошо, – мурлыкнула Энни, вздрогнув от ветра.

Укрывшись за дверью, она сунула в голову щель и крикнула вслед:

– Хорошего дня!

Подойдя к машине, Люк обернулся. Рядом с Энни стоял Клейтон, обвив ее ноги ручонками.

Итак, старшие в школе, а младший только рад весь день провести в гостях. Наверное, Натали права: пора вернуться к работе. Когда Люк сел в машину, еще не остывшую от предыдущей поездки, его захлестнула волна паники. Как-то все слишком быстро. Натали хотелось, чтобы он притворился, будто жизнь продолжается. Но неужели она и впрямь продолжалась?

Пусть в последний год творился настоящий ад, она все равно была рядом – лежала на больничной койке в гостиной, приоткрывала глаза и улыбалась, когда он проходил мимо. А однажды утром не открыла. Как же можно жить прежней жизнью – вроде как, а что тут такого, земля еще вертится, – если отныне каждую ночь подушка справа пуста?

Люк уронил голову на руль. Поехать домой и поспать? Никто никогда не узнает. На работе точно никто волноваться не станет. Не исключено, что даже вздохнут с облегчением – не надо носиться с только что овдовевшим коллегой.

В окно постучали, и Люк вздрогнул от неожиданности. Снаружи дрожала Энни в серых леггинсах и хлопковой футболке с коротким рукавом, сжимая в руке конверт, похожий на те, что приходили от Натали. Люк инстинктивно сунул руку в карман, затем, прищурившись, разглядел сквозь тонированное стекло, что на том конверте стоит имя Энни. Он нажал на кнопку, стекло поехало вниз.

– Она мне тоже одно прислала, за неделю до того... Ну, до смерти. Она велела не говорить тебе, но я решила послушаться.

Люк съежился. Выходит, Энни могла поступить наперекор призраку из прошлого, а он – нет...

– Ты его открывала?

– Да. Натали сказала, что письмо надо прочесть в день ее смерти.

Какой пухлый конверт, ему она никогда так много не писала...

– Можно взглянуть? – Он протянул руку.

Энни покачала головой.

– Прости, Люк. Она заставила меня поклясться, что я не дам тебе его читать. Как ты сам говоришь, это слишком личное.

Энни вернула назад его блинно-утренние слова. Люк сердито отвернулся.

– А зачем ты мне его показала?

Обычно он не позволял себе срываться, держал себя в руках, чтобы не стать похожим на отца. Сегодня его ждут несколько сеансов у боксерской груши в подвале.

– Чтобы ты не думал, будто только ты их получаешь. – Энни сложила на груди руки, пар от дыхания вился вокруг ее головы. Должно быть, замерзла. – Что-то странное творится с этими письмами, кто-то словно в игру играет. Не знаю, кто, но точно не я. На твоём месте я бы разузнала, откуда они приходят, до того как открыть следующее.

Люк кивнул, однако в душе не согласился. Конечно, ему хотелось узнать, кто их отправляет. Этот вопрос значился под номером один в длинном списке его вопросов. Но он не собирался прекращать читать письма. Они настоящие, вот что главное.

– Иди в дом, Энни, а то совсем замерзнешь. – Люк положил руки на руль. Женщина не сводила с него глаз цвета морской волны.

– Ты поразмысли об этом, ладно? – Она постучала конвертом по дверце машины.

– Ладно! – Люк натужно улыбнулся и повернул ключ.

– Хорошо, жду тебя вечером. – Энни отступила на несколько шагов – ждала, что он ответит. Но он и так едва сдерживался.

Когда она скрылась в дверях, Люк выжал педаль газа и поехал на работу.

Февраль

Глава 4

Через две недели Люк набрался храбрости и позвал студентку Джесси посидеть с детьми. Вообще-то ему нравилось работать по полдня, возвращаться домой и заваливаться в постель вместе с Клейтоном. Он разрешил старшим есть разогретую пиццу и жевательный мармелад. Натали не одобрила бы, но разве нельзя ему вволю пострадать?

А потом пришло напечатанное письмо. Бумага для принтера казалась непривычно жесткой на ощупь. Вместо успокоения в душе зародилась паника. Значит, письма скоро закончатся? Завтра у почтовой щели будет пусто?.. Люк провел пальцами по высохшему влажному пятну – буквы расплылись на паре строчек. Слеза?

День 34

Дорогой Люк, это не обычное письмо. У меня больше нет сил писать от руки. Я знаю правду – долго мне не протянуть. Ты не захочешь об этом слушать. Смешно, ведь ты не веришь в чудеса...

Я чувствую, что умру. Хочу облегчить тебе жизнь, когда меня не станет. Писать обо всех делах я не буду, слишком долго, но о Джесси Фрага надо рассказать подробнее. Надеюсь, это имя тебе уже знакомо, и ты в курсе, чего я от тебя хочу. Ты даже не представляешь, каково это – понимать, что скоро оставишь собственных детей, пусть и не по своей воле. Единственное успокоение – знать, что есть люди, которые попытаются заполнить образовавшуюся пустоту. Джесси – одна из них.

Мы познакомились год назад, когда я вернулась к учебе. Она училась на последнем курсе факультета начального образования. Мы облюбовали один и тот же уголок в библиотеке. Ни разу не видела ее без наушников, а одевалась она в футболки с какими-то странными принтами. Я думала, что Джесси занимается театром, но однажды заметила у нее в руках пособие по обучению математике и спросила, неужели она тоже на педагогическом. Мы сразу подружились.

Джесси – обычная двадцатилетняя девушка, но ей многое довелось пережить. Она знает, как может предать собственное тело. У нее проблемы с почками, хроническая болезнь с детства. Думаю, Джесси станет для наших детей прекрасным примером, как нужно бороться, несмотря ни на что.

Надо бы рассказать о ней побольше, но пока скажу только, что она для меня очень важна. Она поможет детям с домашними заданиями и покормит обедом. Пожалуйста, послушай меня хотя бы в этом – возьми ее на работу. Она особенная.

Я люблю тебя. Как мне жаль, что все закончится именно так...

Натали

Злополучная Джесси должна была явиться с минуты на минуту. Если «собеседование» пройдет успешно, в три часа дня она будет забирать Клейтона от Энни и отводить домой. Посидит с ним, пока Люк не вернется с работы.

Зазвенел дверной звонок. Ровно три. Что ж, к ее чести, пришла вовремя, хотя Люку не помешали бы еще минут десять, чтобы навести порядок. У него было на это два часа, но он провел их за чтением писем Натали – время пролетело незаметно... Он часто попадал в эту ловушку.

Люк подскочил с постели, положил напечатанное письмо к стопке прочих на прикроватную тумбочку и расправил мятую футболку. На цыпочках прокрался мимо комнаты Клейтона в надежде, что звонок не потревожил дневной сон малыша. Спустившись с лестницы, наступил на детскую пижаму с Человеком-Пауком, которая валялась на полу. Чертыхнулся, подобрал ее и зашвырнул в подвал, где стояла стиральная машинка, мысленно наказав себе не забыть о стирке.

Работать и следить за детьми не так легко, как уверяла Натали. Может, у нее было больше опыта в таких делах, а может, она обманывала себя, уверяя, что жизнь без нее будет сносной...

«Только не звони больше», – беззвучно умолял Люк. Слегка запыхавшись, он распахнул дверь. На пороге стояла невысокая девушка. Невысокая – неточное слово. Совсем крохотная, ростом футов пять, а весила никак не больше Мэй. Длинные темные волосы были забраны в высокий конский хвост, что странно смотрелось при таком-то росте. Темные ресницы оттеняли ярко-синие глаза.

– Здравствуйте! Вы мистер Ричардсон? Мы с вами по телефону договаривались. – Она взмахнула голубым конвертом. – Я знала вашу жену.

Улыбка у нее была такая же широкая, несоразмерная, как и конский хвост. Люк не сводил глаз с конверта, будто кот, увидевший канарейку. Девушка похлопала им по ладони.

– Ох, да входите же! – Люк распахнул дверь и отступил назад, чтобы она не разглядела складки на мятой после сна футболке.

– Разуться? – Джесси бросила взгляд на загроможденную подставку для обуви. Через несколько дней после похорон Люк снова затащил ее в холл.

– Дети у нас разуваются, а вы как хотите.

Джесси сбросила балетки, оставшись в тонких черных подследниках. Со своим рюкзаком она смотрелась совсем девчонкой. Через десять лет Мэй вырастет и станет юной девушкой, как Джесси. Натали никогда этого не увидит. Как его жена справлялась с такими мыслями?..

Люк вдруг осознал, что молча таращится на гостью. Надо поосторожнее, а то быстро убежит от угрюмца, который разучился разговаривать с людьми.

– Что ж, давайте присядем и поговорим.

Он собирался пригласить ее на кухню, но вспомнил о горе немытой посуды в раковине. Вполне можно поговорить в гостиной. Мебель там хорошая, детям не разрешали играть на ковре, так что он чистый; да только ведь Натали умерла именно там. Лучше тогда кухня и посуда. Все равно она увидит бардак рано или поздно; пусть уж решает, имея на руках все данные.

В холле Джесси остановилась перед фотографиями на стене, вывешенными пирамидой: верхняя со свадьбы Люка и Натали, ниже – три детские.

– Какая Натали красавица! И оба вы такие молодые!

Она права. Они оба выглядят молодо. Впрочем, они и были молоды. Темные волосы Натали уложены в высокую прическу, на ней белое платье с открытыми плечами. На снимке не видно, что лиф расшит тысячами крошечных бусин, которые то и дело отрывались. Люк с Натали танцевали первый танец и хохотали – с каждым поворотом на паркетный пол летели гроздь бисера. Люк с фотографии на несколько дюймов выше своей невесты, волосы выгорели на солнце, у глаз лучатся счастливые морщинки. Разве мог он представить, что похоронит женщину, стоявшую рядом, не отметив двадцатого юбилея совместной жизни?

– Сколько вам тут?

– По двадцати одному. Мы познакомились еще в школе, а потом я уехал поступать в колледж, и мы встретились спустя несколько лет. На последнем курсе я перевелся в Мичи-

ганский университет. Натолкнулся на нее в первую же неделю, она что-то зубрила. Я сразу все понял про нас. В ту же секунду.

– Чудесная история. Хорошо, что вы нашли друг друга так рано. Мне вот уже двадцать один, а парня до сих пор нет. Ох!.. Простите, мистер Ричардсон, я веду себя ужасно. Папа говорит, я сперва говорю, потом думаю. Все болтаю и болтаю про Натали, а вам, должно быть, нелегко...

– Все нормально. – Не хочется, чтобы она чувствовала себя виноватой. Да и что она знает о потерях? – Пойдемте на кухню.

Люк устремился вперед, сдвинул в сторону бумаги – письма, тетрадки Мэй, – расчищая место на столе. Джесси бросила сумку на пол и вскарабкалась на стул. Даже если она и обратила внимание на бардак, то виду не подавала, – просто выложила перед собой конверт, надписанный рукой Натали.

– Что ж, расскажите о себе. – Люк не знал, стоило ли спрашивать. Натали все устроила. Если Джесси захочет сидеть с детьми – так тому и быть. Теперешняя встреча нужна была, чтобы познакомиться, и уж никак не походила на настоящее собеседование.

Джесси нервно провела пальцами по щеке, и из-под рукава выглянул серебристый медицинский браслет.

– Рассказывать особо нечего. Буду учительницей начальных классов. Мне нравится. – Ее плечи под дутой ярко-зеленой курткой дернулись вверх-вниз.

– Натали сказала, что вы дружили. – Люк водрузил локти на гранитную столешницу. Камень охлаждал кожу через тонкую ткань. Неловко поднимать всю эту медицинскую тему.

– Да, не знаю почему, но мы как-то сразу сблизились, несмотря на возраст. – Джесси стянула куртку и повесила ее на спинку стула. Без верхней одежды она выглядела еще моложе. На ней была свободная черная футболка со знакомым лицом. «Бетт» – гласила надпись.

– Это у вас Бетт Мидлер? – спросил Люк, гордясь собственной осведомленностью. Мамаша Фостер из приемной семьи номер три просто обожала «На пляже». Теперь он всякий раз переключал канал, заслышав «Ветер под моими крыльями»².

– Ага. – Ее глаза загорелись. – А вам нравится?

Люк интересовался мюзиклами примерно так же, как абстрактным искусством XX века, – никак.

– Увы, нет. А вы фанатка?

– О да! Огромная! – Увлечшись, Джесси накрыла ладонь Люка своей. Его позабавила такая горячность. – Езжу на все концерты в радиусе пятисот миль – это папа мне такое ограничение поставил. Если устроюсь на работу, буду ездить за тысячу!

– По-моему, вы слишком молоды для фанатки Бетт Мидлер.

– Так ведь и Бетт не стареет. Вы давно ее видели? Дело не только в ней, я вообще обожаю мюзиклы. У моей мамы был прекрасный голос. Когда я болела, она мне пела все известные песни. – Слово «болела» прозвучало в ее устах очень обыденно. Люк знал, в чем дело. – Она меня на них и посадила.

– Понятно, – протянул Люк. Ему не хотелось беречь в душе Джесси воспоминания о матери – он не знал, давно ли та умерла. – А вы сами никогда в театре не играли? – С таким темпераментом ей точно место на сцене.

– Нет-нет. Если б у меня была хоть толика таланта Бетт Мидлер, я бы пошла на сцену, но я даже мизинца ее не стою. Знаете, я ведь пыталась обратить Натали в свою веру. В апреле мы собирались съездить на Бродвей посмотреть мюзикл «В лесу» и обязательно взять у Бетт

² «Ветер под моими крыльями» (англ. «Wind Beneath My Wings») – песня, которую исполняла Бетт Мидлер в фильме «На пляже» (англ. *Beaches*, 1988).

автограф, пусть и пришлось бы постоять у служебного входа. Теперь, наверное, с папой поеду.

Похоже на Натали. Она легко обзаводилась друзьями. У Люка так никогда не получалось.

– Простите, что я опять о Натали. Знаете, она была прирожденным учителем, любила детей, даже самых капризных... Ее пример так вдохновлял меня в прошлом году, когда я сессию сдавала! На психологии мы разбирали случаи издевательств над детьми, так Натали ревела каждый раз.

– Охотно верю. Нат все принимала очень близко к сердцу. Когда-то она делала доклад о девочке, которая пропала... Как же ее звали? Уитлинг, что ли... Так вот, пока Нат собирала материал, у нее чуть крыша не поехала. Полгода никуда не отпускала Мэй одну.

– Не помню такую... Хотя моя мама наверняка знала. У нее такой же пунктик был. Если я пыталась куда-то отпроситься, она сразу выдавала мне кучу историй о пропавших детях.

Люк рассмеялся. Разговаривать с Джесси оказалось намного легче, чем он представлял, – будто со старым другом, с которым давно не виделись.

– А ты единственный ребенок в семье? Чем больше детей, тем меньше над ними трясешься...

– Я много болела. Мамочка слегка пережимала. Но я ее не виню...

Джесси рассеянно покрутила браслет. Люк понимал, что она права. Чересчур заботливый родитель – далеко не худшее из зол. Он покосился на конверт. Наверняка внутри подробное досье на каждого из детей.

– Натали тебе рассказывала о детях?

И тут сверху раздался оглушительный крик Клейтона. Проснулся, значит.

– А вот и Клейтон. Хочешь познакомиться?

– Конечно. Мне с вами подняться?

Люк решил, что не очень удобно тянуть студентку в захламленную спальню Клейтона, и покачал головой.

– Не надо, он очень хмурый спросонья. Я скоро вернусь.

Клейтон всегда плохо спал, однако с тех пор, как умерла Натали, стало еще хуже. Засыпал он нормально, но, просыпаясь, с криками звал мамочку. Люк часами не мог его успокоить. Хитрость заключалась в том, чтобы подхватить его на руки, как только начался плач. Джесси откинулась на спинку стула, и он поспешил вверх, крича на ходу:

– Иду-иду, малыш!

Клейтон лежал на полу, закрыв лицо руками, и тихо всхлипывал. Люк понял, что сын научился выбираться из кровати, когда тот навестил его в ванной. Но после того случая мальчик больше не выходил из своей комнаты, пока кто-нибудь за ним не придет.

– Тебя внизу кое-кто ждет и очень хочет подружиться.

Рыдания Клейтона затихли.

– Пират Пит?³

Люк вздохнул. Ну да, разве кто-то может сравниться с Питом?.. Он сел на пол рядом с ребенком.

– Нет. Там мамочкина подружка. Она будет нам помогать.

Клейтон размазал по лицу слезы.

– Она знает мамочку?

Люк ненавидел эти вопросы в настоящем времени. Будто Натали вот-вот войдет и возьмет его на руки...

– Да, она знала мамочку. И она очень милая. Мы тоже будем милыми, правда?

³ Пират Пит – персонаж детской книги автора и иллюстратора К. Кеннеди.

Клейтон стал на колени и утер лицо рукавом.

– Я покажу ей мою игрушку!

Он подбежал к кровати, порылся в одеяле и достал маленькую пиратскую фигурку в красной повязке на голове. Глаза у него засияли – давненько такого не было. И сколько времени малыш провел, закрывшись в своей раковине?

– Отличная идея, малыш. Давай, запрыгивай на спину, подвезу!

Ручонок Клейтона едва хватило, чтобы обнять его за шею. Люк поднялся с колен, чувствуя на щеке теплое кислородное дыхание. Стараясь развеселить сына, он поскакал вниз по ступенькам. Мальчик рассмеялся и крепче в него вцепился.

Пока добрались до кухни, оба выбились из сил: Клейтон – от смеха, Люк – от усталости. Он ссадил пассажира, убедившись, что тот встанет на ноги. Когда Клейтон заметил Джесси, малыш тут же сунул в рот палец и посерьезнел. Девушка подняла глаза от телефона и улыбнулась. Даже когда она улыбалась, глаза у нее оставались огромными.

– Ты, наверное, Клейтон? – Она опустила на колени и протянула руку. – А я Джесси. Приятно познакомиться.

Клейтон вынул изо рта обслюнявленные пальцы и сунул их в ладонь Джесси. Люк передернул плечами, но девушка даже не поморщилась.

– У меня для тебя подарок. – Джесси порылась в зеленом рюкзаке, набитом под завязку. Отыскав, что хотела, снова повернулась к Клейтону, держа руку в рюкзаке. Она была так близко, что Люк мог бы сосчитать веснушки у нее на носу и на щеках. – Твоя мама говорила, что ты любишь читать книжку про Пирата Пита, да?

– Да, он лусе всех!

– Лучше всех? Хм, может, тогда себе оставить?.. – Джесси извлекла из рюкзака красную повязку – точь-в-точь такую, как на фигурке Клейтона. Она приложила повязку ко лбу, и Клейтон восхищенно подскочил на ноги.

– Это мне?

Мальчик улыбался. Джесси старалась с ним подружиться, несмотря на то, что мальчик был заспанный, растрепанный и не особо в настроении. Должно быть, она искренне любила Натали.

– Ладно, так и быть. Тебе пойдет больше.

Она протянула повязку Клейтону, тот схватил ее, нахлобучил на голову и отскочил, как будто боялся, что Джесси ее отберет.

– А где мой корабль, папа? Надо корабль!

– Хорошо, иди на корабль, – рассмеялся Люк. Повязка напознала Клейтону на глаза, так что он почти ничего не видел. – Стой! Что надо сказать Джесси?

– Спасибо, Джесси! – крикнул тот и помчался наверх.

Люк поднял брови.

– Кажется, все прошло замечательно!

Он протянул руку, помогая девушке встать с пола.

– Прелестный малыш. – Джесси весила, как пушинка. – Уверена, мы подружимся.

– Да, он веселый.

На глаза набежали слезы. Люк часто заморгал, провел рукой по гранитной столешнице, поморщившись от налипших на пальцы крошек.

– Он не понимает, что происходит. И, боюсь, скоро станет совсем оранжевый из-за всех этих чипсов, которыми питается.

Джесси рассмеялась, глядя на потолок: сверху доносился грохот сброшенных на пол игрушек.

– По-моему, у вас все здорово получается.

Конечно, нет. Люк, наоборот, чувствовал, что поступает правильно, только когда следовал «указаниям» из писем Натали. Энни полагала, что так нельзя, но для него это было единственным способом удержаться на плаву. Его отец ускользал от реальной жизни с помощью алкоголя, Люк – с помощью вырванных из тетрадки страниц.

Он решил сменить тему:

– Может, тебе самой хочется о чем-нибудь спросить?

– Мистер Ричардсон. – Джесси сунула письмо в задний карман и хлопнула ладонью по столешнице. – Я хочу у вас работать. Хочу помочь вашим детям. Мне самой было двенадцать, когда умерла мама. Я знаю, каково это. И я обещала Натали, что буду с ними рядом. – В ее глазах стояли слезы. – Вы разрешаете?

Что тут ответишь.

– Конечно!

Джесси коротко пожала ему руку. Люк оторвал от рулона квадратик бумажного полотенца и передал ей. Она вытерла глаза, размазав тушь, и огляделась в поисках мусорного ведра.

– Оно под раковиной. Давай выброшу.

– Мистер Ричардсон, я же им нос вытирала! Я сама.

Она подошла к шкафчику, откинула крючок, приделанный, чтобы дети туда не влезли, и наклонилась. Из ее заднего кармана выглядывал голубой конверт. Хлопнула входная дверь.

– Папочка, я дома! Ты наверху?

Из школы вернулась Мэй.

– Мы здесь! – поспешно крикнул Люк, опасаясь, что она ляпнет что-нибудь эдакое, что уличит его в отсутствии должных родительских навыков. – Иди познакомься с Джесси.

Мэй прибежала на кухню. Темные нечесанные кудряшки рассыпались по плечам. Она поставила рюкзак на стол – там они с Натали делали ее домашние задания, а он пытался поддерживать эту традицию. Теперь они смогут готовить уроки вместе с Джесси. Не будет больше нерешенных задач и крошек от чипсов в кровати. Натали не ошиблась.

Глава 5

Незаметно подкрался День святого Валентина. Витрины запестрели сердцами и купидонами. Впрочем, в семье Ричардсонов этот праздник никогда особо не отмечали. Больше всего внимания уделялось школьным «валентинкам» – подписать и отправить по адресу, вот и вся романтика.

Натали жаловалась, что это все из-за конфет. В первый год после свадьбы Люк преподнес ей ассорти из шоколадных конфет, в полной уверенности, что это жуть как романтично. Конфеты с приторной начинкой были отвратительны. Они попробовали все и в конце концов выбросили коробку. С тех пор на каждое четырнадцатое февраля Люк находил под подушкой коробку конфет, каждая из которых была надкушена.

Он спустился за почтой. Среди писем обнаружился пакет. Внутри лежала коробка в форме сердца и голубой конверт. Конфеты. Коробка поместилась у него на ладони. Сбоку Люк заметил обрывок желтого скидочного ценника. Если конфеты покупала Нат, им уже больше года. Он словно услышал ее хохот, которым она заливалась, когда считала, что удачно пошутила.

С последнего письма прошла неделя, и Люку страстно хотелось распечатать конверт прямо в холле. На оборотной стороне от руки было нарисовано сердечко. Натали постаралась. Люк бросил коробку конфет на стол, пошел к себе наверх и совершил привычный ритуал – ощупал конверт, пытаясь отгадать, сколько внутри страниц. Он наловчился определять это довольно точно. Сегодняшнее письмо было страницы на три или четыре.

Золотой нож для писем подарила ему мать в день окончания школы. Прежде Люк им никогда не пользовался, но, изорвав первые конверты, решил, что стоит быть аккуратнее. Бумага зашуршала, сердце зашло в нетерпении.

В письме и в самом деле было четыре страницы. Петельки почерка особенно задорные, будто Натали писала в отличном настроении. Ничего себе, над каждой «i» она вместо точек нарисовала сердечки. Люк рассмеялся. Как же он ее любит!.. До сих пор.

День святого Валентина

Дорогой Люк, я кое-что придумала. Если ты это читаешь, значит, мы отмечаем День святого Валентина не вместе. Я отложу письма, написанные по особым случаям, и постараюсь, чтобы ты получил их вовремя.

В День всех влюбленных мы с тобой не напрягаемся и не делаем друг для друга ничего особенного. Впрочем, не совсем так. Сегодня я стырила у детей из рюкзаков пару свечей и грызу леденцы, добытые оттуда же. Жаль, что Уилл сладостей домой больше не приносит. В восьмом классе уже не обмениваются «валентинками». Печалька... Так вот и дождешься, что самой себе придется леденцы покупать.

Если я сегодня не валяюсь на диване, поедая леденцы, ты, наверное, по мне скучаешь. Я вот буду скучать, это точно. Захотелось напомнить тебе историю нашего знакомства. Да, я старая сентиментальная вешалка. Может, что-то и сокру, но я запомнила тот день именно так. Моя жизнь навсегда изменилась.

Мы переехали в дом номер 815 по Винтер-лейн за три дня до моего четырнадцатилетия. Было жарко, но после Миссисипи духота Мичигана мне не особо досаждала. Скорее, я удивилась. Все жители прибрежного Галфпорта до колки хохотали, узнав, что южане решили переехать на север. Я была уверена, что, выйдя из машины, ступлю на снег, несмотря на то, что мы приехали в августе. Но вместо снега я увидела тебя: тринадцатилетнего, светловолосого, мокрого от пота. Когда я вылезла из машины, ты уставился на меня, как будто я инопланетянка.

– Привет, ты из соседнего дома? – крикнул мой папа.

Он не слишком любил церемонии, правда? Не ответив, ты умчался в соседний дом – 813-й по улице Винтер-лейн. Когда хлопнула дверь, я уже не жалела о друзьях, океане и вечном лете, которые променяла на «собачий холод» Мичигана.

– Натти, иди помогай! – махнула мне мама. Грузчики начали таскать мебель и коробки в горчично-желтый двухэтажный дом в колониальном стиле.

– Мам, можно я сбегаю посмотрю, что там на заднем дворе? – Бен не мог усидеть на месте. Если б его оставили в машине еще хоть на минуточку, он бы взорвался.

– Давай, Бенни. Обедаем в шесть! Только не изгваздайся!

Все ясно, Бенни отправили играть, а меня запрягли, как обычно. Все-таки моя мама руководствовалась старомодными принципами при воспитании детей разных полов.

Ну и духота была в доме! Кондиционер мы не привезли. Бьюсь об заклад, после всех разговоров о холоде родители сочли, что он нам не понадобится. До сих пор помню, как меня обдало жаром, когда я вошла – будто в духовку заглянула. Мне велели открыть и вымыть все окна, а их было семнадцать, ни больше, ни меньше. Мама порылась в ящике с чистящими средствами, нашла одно для окон и всучила мне моток бумажных полотенец.

– Ветер восточный, так что сперва вымой окна, которые выходят на улицу, – сказала она.

Пока я их мыла, размышляла о всяком-разном – чем еще заняться? Думала о новой школе, о том, будем ли мы учиться в одном классе, станем ли вместе ездить на школьном автобусе, подружмся ли... За час я вымыла и распахнула все окна с фасада, и в доме стало градусов на десять прохладнее.

Время тянулось бесконечно, и мои волосы насквозь пропитались потом. И тут я добралась до окон во двор. Вы с Беном носились вокруг старого сарая, который мама планировала снести. Я мыла окна, оставляя их открытыми, и прислушивалась к вашему невнятному бормотанию.

Я шпионила за вами часа полтора, пока не пришла мама с ведром теплой воды и средством для мебели – надо было вымыть шкафы. Я занималась этим до самого ужина.

Брат пригласил тебя поесть с нами; вы оба выпачкались с головы до ног. Не знаю, во что вы там играли целых три часа, но я обрадовалась, что Бен не забыл о хороших манерах.

За ужином я изо всех сил пыталась на тебя не смотреть. Получалось плохо. Ты так улыбался, что хотелось улыбаться в ответ, а еще смахнуть с носа песчинки веснушек. Потом я узнала, что ты их терпеть не можешь, но мне они сразу запали в душу.

Ужин был незамысловатый – пицца на заказ и несколько бутылок колы. Я всегда требовала на ужин зелень или овощи, однако перед тобой не хотелось капризничать, так что я молча жевала пиццу.

Ты рассказывал о своей семье, что папа в сезон рыбачит на озерах, а мама работает в магазине. Ты не признался, что твой отец – самозабвенный алкоголик, а мать изо всех сил пытается это скрыть. Но я заметила печаль в твоих глазах. Именно из-за нее – даже не из-за улыбки – мне захотелось узнать тебя получше. Когда папа попросил меня сходить вместе с тобой к твоей маме за запасным ключом от нашего дома, сердце у меня чуть не выпрыгнуло из груди. Папочка и не подозревал, что выйдет из этой просьбы.

Мы шли по шуршащей траве, рядом медленно кружили светлячки. Стоял теплый душный вечер, почти как в родном Миссисипи.

– Никогда не видела светлячков, – прошептала я.

– Серьезно, что ли? – Твои первые слова, обращенные прямо ко мне.

– В Миссисипи полно комаров. Знал бы ты, какие они злющие! Все постоянно спреем брызгают, он убивает комаров, но папа говорит, что и светлячков тоже.

– Зато у нас светлячков просто куча. Когда я был поменьше, мы ловили их и запихивали в банки, а потом накрывали крышками, только дырки для воздуха в них прокалывали. А банки ставили рядом с кроватью, как фонари.

– Ничего себе! – Не знала, что у меня акцент, но тут сама его услышала, сравнив свой говор с твоими гладкими интонациями.

Мы дошли до твоего дома, ты приподнял дверной коврик и достал ключ. Внутри было темно, и у меня засосало под ложечкой – тоскливое чувство, которое находит при возвращении в пустой дом.

– И что, они прямо светятся, такие фонари?

– Светятся.

Ты открыл дверь и скрылся внутри, оставив меня на пороге. Я ждала и ждала, даже испугалась, не забыл ли ты, что я снаружи. А потом ты вышел с ключом в руке. На его серебристых гранях отражалась луна. Ты вложил ключ мне в руку.

– Вообще я больше не ловлю светлячков.

– Почему? Это же весело.

(Знаешь, у Мэй и у Клейтона такой же вздернутый нос, как у тебя.)

– Не очень. Когда просыпаешься, они уже мертвые. Жалко их. – И ты исчез в темном доме.

Вот и всё. Я влюбилась. Понятно, что наши отношения развивались со временем. Год спустя ты уехал, но я все никак не могла забыть мальчика, который перестал ловить светлячков.

Я люблю тебя. С Днем святого Валентина. Спасибо, что потом опять меня нашел.

Твоя Натти (ха-ха)

«И откуда она все помнит?» – удивился Люк, утирая глаза. Он давно уже сполз на колени, облокотившись о кровать – поза почти молитвенная. Странно. Люк не молился с детства. Мольбы к Господу он возносил, с головой забравшись под одеяло, чтобы укрыться от криков, доносившихся снизу, – мама с отцом ругались. Господь не слышал тогда, не слышит и теперь.

В спальню ворвалась Мэй. Она уже собралась в школу – красный джемпер, под ним водолазка. Спутанные волосы разметались по плечам.

– С Днем святого Валентина, папочка!

Она запрыгнула ему на спину и обняла за шею.

– Тебя тоже, солнышко! – Люк повернулся и подхватил ее на руки, как принцессу. – Приготовила «валентинки»?

– Да, мне Джесси помогла. Очень классные получились. Она в Интернете посмотрела, как их делать.

– Надеюсь, мне тоже одна достанется?

– А как же! – Мэй подскочила на ноги. – Ой, подожди, я совсем забыла...

Она достала из кармана большую розовую расческу с резинками, обмотанными вокруг ручки.

– Заплетешь мне косички?

У Люка во рту пересохло. Он сто раз видел, как это делала Натали, и даже сам однажды попытался, однако ничего не вышло – пальцы слишком неуклюжие. Но разве можно расстраивать дочку в такой день?

– Садись. – С первой попытки зубцы расчески зацепились за узелок в волосах. Мэй вскрикнула. – Ой, прости, пожалуйста. Может, не стоит?

– Стоит, – ответила она, покачиваясь. – Две косички, пожалуйста, на прямой пробор.

– Слушай, у меня идея! Ты садись, а я тебя причешу и расскажу одну историю.

– Про любовь?

– Ага, очень красивую.

Люк пересказал историю знакомства с ее мамой, дополняя подробностями, которые припоминал на ходу. Мэй слушала, затаив дыхание, и терпела, даже когда он дергал ее за волосы. Первую косичку заплел с третьей попытки, зато вторая удалась сразу. Он как раз успел дорассказать. Мэй подбежала к большому зеркалу и улыбнулась.

– Отлично! Спасибо, папочка!

Конечно, ни разу не отлично. Присмотревшись, Люк заметил, что косички вышли кривовато, совсем не так, как получалось у Натали. Но ничего, сойдет. Мэй повернулась и сделала реверанс, прихватив по краям красную юбку. Она даже надела колготки с сердечками в честь праздника. У ее мамы в гардеробной была припрятана коробка с разноцветными праздничными носками – он отдаст их Мэй, когда у той нога подрастет.

– Спасибо, папа! – Она поцеловала его в щеку.

В комнату вошел заспанный Клейтон, держа в руках смартфон Натали.

– У мамочки телефон звонит.

Мелодия звонка пробудила у Люка неприятный эффект дежавю, даже живот скрутило. Звонящий не знал, что Натали умерла. Значит, придется сказать... Он поглядел на экран, но номер был не записан в контактах. Странно. Люк нажал на соединение и прижал палец к губам, посмотрев на детей.

– Алло?

В трубке раздался женский голос:

– Здравствуйте! Я ищу мистера Ричардсона. Меня зовут мисс Мэйсон, я школьный психолог в Шепардской средней школе. Звоню по поводу Уилла.

Почему она звонит по номеру Натали? Наверное, сначала попробовала дозвониться на домашний, Люк давным-давно отключил его. Ему было легче в тишине.

– Это я. Подождите секундочку.

– Конечно.

Люк прикрыл рукой трубку и прошептал Мэй:

– Пойди достань вафли из морозилки, я спущусь через пару минут.

– А мама на День святого Валентина всегда пекла розовые блинчики!

Ну, на блинчики времени точно не хватит.

– Может, на ужин испеку... Покорми брата завтраком, пожалуйста.

– Хорошо! Пойдем, Клейтон! Пора завтракать.

Она схватила малыша за руку, которую тот держал во рту, и увела его.

Люк поднес трубку к уху.

– Простите, пожалуйста.

– Ничего страшного. Я хотела спросить, сможете ли вы сегодня зайти попозже и поговорить насчет Уилла.

– Что случилось?

– Нет-нет, ничего такого, просто в последнее время он странно себя ведет. За последние пару недель было несколько случаев... В общем, будет хорошо, если вы зайдете. Сможете сегодня, в четыре?

Люку идти не хотелось совсем – ни сегодня, ни потом, – но как тут откажешь.

– Постараюсь.

– Спасибо, мистер Ричардсон. Хорошего дня! Ах да, с Днем святого Валентина!

– До свидания.

Да уж, похоже, денек будет тот еще.

Глава 6

Люк сидел в неудобном кресле сорок пять минут. Прождав минут десять, достал из кармана несколько последних писем от Натали. Он больше не носил с собой всю стопку, а каждое утро отбирал несколько особенно любимых из обувной коробки, которая стояла сбоку от кровати. Обычно Люк не читал их вне дома – могли возникнуть лишние вопросы, – но сейчас он лучше почитает письма жены, чем очередную брошюру из Мичиганского колледжа.

День 44

Дорогой Люк, пишу это во время третьего облучения. Сегодня я захватила с собой свитер. Жаль, что они не греют раствор прежде, чем поставить капельницу. Да и в палате далеко не жарко.

Бррр!

Я подумала, что лучше напишу тебе сейчас; скорее всего, позже мне станет хуже. За все надо платить. Зато десять фунтов сбросила, как мечталось. Выяснилось, что худоба мне не идет. Ладно, взамен наберу пятьдесят. Из-за лысой головы я здорово смахиваю на пришельцев из кино: серая кожа, глаза навывкате... Спасибо небесам за парики, накладные ресницы и карандаши для бровей. Хоть не приходится людей пугать.

Как меня все достало... Станет ли легче? Станет ли? Если ты это читаешь, значит, нет. В последнее время я много размышляю о своих перспективах. Почему именно в моем теле образовалась какая-то особо хитрая опухоль? Почему я не нацупала ее на лопатке до того, как она пошла в лимфоузлы? Третья стадия... Вылечить можно? Да. Страшно? Еще бы.

После того как мы пройдем два курса химии, предстоит операция и облучение, а потом еще несколько курсов. В прошлом году, в это же время, я блаженно вещала ученикам о вычитании двузначных чисел и ждала весенних каникул. А в следующем году меня, возможно, уже не будет. Я умру. Навсегда, как ты говоришь.

Не знаю, во что я теперь верю. Я долго соглашалась с твоими воззрениями, однако в глубине души держалась за Бога, как ребенок – за плюшевого мишку. Так что неизвестно, к чему теперь готовиться.

Если жизнь после смерти все-таки есть, я вернусь и буду тебя преследовать. Мой призрак, в смысле. Как в ужасниках про дома, построенные на старом индейском кладбище. Стану завывать тебе в ухо что-нибудь вроде: «Ты был не пра-а-ав, а я зна-а-а-ла».

Люк рассмеялся. И тут дверь кабинета распахнулась – и оттуда вышли люди. Он быстро сунул письмо в карман, досадуя, что дочитать не удалось.

Люк сразу узнал мисс Мэйсон, школьного психолога. Она приходила на похороны. Мисс Мэйсон была очень низенькой, не спасали даже туфли под зебру на высоких каблуках. Длинные вьющиеся волосы на концах отливали медью.

Когда Люк учился в школе, психолог следил за его кредитами, чтобы денег хватило на обучение до конца школы, а еще напоминал, что надо разослать по колледжам заявления. Наверное, так и должно быть, но кто знает, может, о тех учениках, что не кочуют из школы в школу, больше пекутся...

Пара, вышедшая из кабинета мисс Мэйсон, была весьма колоритной – взрослые Кен и Барби, которые поженились и родили наследника. Они энергично пожали руку мисс Мэйсон и заставили своего отпрыска с пирсингом и крашеной длинной челкой проделать то же самое. Мисс Мэйсон повернулась к Люку.

– Мистер Ричардсон, спасибо, что пришли. Извините, не сразу вас заметила. Заходите, пожалуйста.

Голос у нее был профессиональный, хорошо поставленный, но благодаря блестящей блузке и танцующим в ушах серьгам ее легко можно было принять за одну из учениц. Они вошли в кабинет.

– Еще раз спасибо. – Мисс Мэйсон крутила в наманикюренных пальцах серебристую ручку. – Как... как вы поживаете?

Этот вопрос задавали все и каждый. Наверное, есть какая-то особая инструкция с названием «Что следует сказать, когда кто-то умирает». Люк был уверен, что на самом деле никто не хочет знать правду, так что отвечал всем одно и то же:

– По-разному.

Мисс Мэйсон закивала.

– Могу себе представить. Трудное время.

Она пристально посмотрела на Люка, отчего тому стало не по себе. Он молчал, и мисс Мэйсон, глубоко вздохнув, продолжила:

– А что с Уиллом? Вы не замечали, как он себя ведет – так же или иначе?

– Он стал довольно замкнутым после того, как потерял маму. – Голос не дрогнул. С каждым разом говорить о смерти Натали все легче. – Зато хорошо общается с подругой нашей семьи. Они нашли общий язык.

Мисс Мэйсон постучала ручкой по столу, поскребла подбородок.

– Знаете, в школе у него дела не очень.

– Вы о чем? Об оценках? Я нанял репетитора.

– Знаю. С оценками все нормально. Будет.

– Почему будет?

– Ну, он не сдавал задания. А вчера выяснилось, что они все готовы и лежат в его шкафчике с вещами. Мы их вместе оттуда достали. Но он еще сказал мне кое-что.

– И что же?

– Трудно объяснить... Надеюсь, вам известно больше. После того как он показал мне все недостающие задания, я пригласила его сюда на разговор... Он недавно узнал о том, что его усыновили.

– Что-что? – Люк фыркнул, не удержавшись.

– Хм... судя по вашей реакции, он все выдумал.

– Ну да, мы его не усыновляли, это точно. А что именно он сказал?

– Он нашел в вещах у мамы документы об усыновлении. Поэтому я и позвонила. Может быть, вы отведете его к психотерапевту?

В вещах у мамы... Люк судорожно соображал. Он видел какую-то коробку под кроватью Уилла, когда будил его в школу, неделю назад. Почему не пригляделся? Почему блуждал в каком-то тумане, который прояснялся, лишь когда он читал ее письма?

– Мистер Ричардсон, вы меня слышите? – Мисс Мэйсон постучала ручкой по столу. Люк помотал головой, чтобы прогнать морок.

– Мы ходили к семейному психологу, когда Натали поставили диагноз. Но это было всего один раз.

Мисс Мэйсон вытянула из стопки лист бумаги и протянула Люку.

– Вот список терапевтов; они специализируются на работе с людьми, пережившими горе. Конечно, решать вам, но мы все очень волнуемся за Уилла. Он сильно переменился.

– Да-да, конечно.

Интересно, кто это – мы? Его сын начал выдумывать истории с усыновлением... Дело серьезное, нельзя пускать его на самотек.

Люк взял листок, сложил пополам и сунул в нагрудный карман.

Обменявшись парой вежливых фраз на прощание, они пожали друг другу руки. Чтобы встретиться с ним глазами, мисс Мэйсон пришлось запрокинуть голову. Люку стало неловко.

– Спасибо, что волнуетесь за Уилла. Ему очень нужна поддержка.

– Не за что. Держите меня в курсе, хорошо? Уилл – отличный парень. – Похоже было, что ее и впрямь искренне заботила его судьба.

Мисс Мэйсон пригласила зайти девочку-подростка, угрюмо уткнувшуюся в смартфон, а Люк торопливо вышел из школы и сел в машину. Только там он почувствовал себя в безопасности. Пробежав глазами список психологов, зажмурился и ткнул в него пальцем наугад. Отлично – выбранный доктор жил в пяти минутах от их дома.

Люк не особо верил в психотерапию. Он ходил на сеансы целый год после того, как его отправили в приемную семью, – так постановил суд. Его терапевта звали мистер Трэйджнелл; тот жутко не любил работать с усыновленными детьми. Особенно со свое-нравными.

После разыгравшейся с ним в детстве трагедии Люк только острее чувствовал, что люди вокруг него заботились о нем, лишь следуя профессиональному долгу, а тех, кто его искренне любил, он потерял. Поэтому ему и не хотелось поручать кому-то собственных детей. Но раз подключилась школа, выбора не оставалось. Если заупрямиться и не отправлять Уилла к доктору, может получиться гораздо хуже. Теперь предстояло как-то уговорить мальчика...

Люк машинально рулил к дому. Мысли с психотерапии переключились на коробку с вещами Натали. Почему Уилл решил, что его усыновили? Что он там отыскал? Смешно! Однако нельзя больше прятать голову в песок. Он сам допустил, что сын от него отдалился. Следовало догадаться, что что-то не в порядке, – по внезапным вспышкам гнева и долгим часам, которые Уилл проводил один в своей комнате.

Люк припарковался у дома рядом с бордовой «Кией» Джесси. Когда он вошел, из кухни донесся ее голос – она поздоровалась. Пахло ванилью и корицей. Приятно возвращаться домой, когда в нем бурлит жизнь.

– Уилл с тобой? – крикнул Люк в сторону кухни.

Джесси вышла ему навстречу.

– Привет, мистер Ричардсон. – На ней был старый фартук Натали с оборками и в сине-зеленых узорах, лицо перепачкано мукой. – Уилл уже сделал уроки, он у себя в комнате. Не знаю, чем он там занимается.

– Мне надо с ним поговорить. Ох, уже почти пять... Можешь чуть задержаться?

Джесси уперла руки в бока и чуть прикусила нижнюю губу.

– Что случилось?

Люк знал, что ей и в самом деле интересно. Почему-то при взгляде на девушку ему становилось грустно. Она так старалась всем угодить – совсем как Мэй, когда та кланчила новую «игрушку» на планшет. Джесси была из отличниц – тех, что садятся за первую парту и плачут из-за плохой оценки. Разве мог он поделиться с ней – такой неуверенной в себе и в своих силах – беспокойством по поводу Уилла? Очевидно, после смерти матери сын потерял почву под ногами. Что, если он откажется от помощи, совсем как ребенок, который отбрыкивается от укола? Вдруг эта трагедия скажется на его будущем? Люк не считал себя хорошим отцом; он полагал, что дети более или менее воспитаны только потому, что ими занималась Натали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.